

Глава 1

Шестой граф Салташ окинул взглядом огромный обеденный стол и ощутил гордость, переполнявшую его. Эти чувства не разделяли ни дворецкий Салташа, ни его стюард, каждый из которых служил еще пятому графу и с грустью вспоминал, как часто в парадном обеденном зале принимали членов королевской семьи, а также иностранных послов. Другими словами, высший свет блистал здесь во всем своем великолепии. Пятый граф был Общественным Деятелем, в отличие от своего сына, нисколько не стремящегося занять какой-либо значительный пост, да и не обладающего для этого необходимыми способностями. Более того, надежды на то, что ему когда-либо доведется принимать у себя хотя бы самого не приметного из отпрысков королевского рода, были настолько ничтожны, что парадные покои в Истерби пришли бы в полное запустение, не обручись он в возрасте тридцати лет с леди Шарлоттой Кальне.

Будучи единственным сыном пятого графа, Салташ осознавал всю значительность этого события для своей семьи. В честь помолвки он созвал в Истерби абсолютно всех членов рода Стейплов, намереваясь представить

им свою невесту. Беглого изучения списка родственников по материнской линии ему оказалось достаточно, чтобы убедиться: в их присутствии на торжественном собрании нет ни малейшей необходимости, не говоря уже о нежелательности появления этих особ. Для Стейплов он был влиятельной фигурой, главой рода, и он знал, что даже его деспотичной сестре Альбинии придется демонстрировать (во всяком случае, на людях) почтительность, которую заслуживает человек его положения. Другое дело совершенно ничем не обязанные графу Салташу Тимберкомбы, ему хватило нескольких минут для вывода — их не касается его женитьба.

В итоге лишь двадцать человек сели за стол под высоким расписным потолком парадного обеденного зала. Сам его светлость восседал во главе этого заставленного блюдами стола, главным украшением которого являлась огромная многоярусная ваза, подаренная пятому графу кем-то из зарубежных монархов, и самодовольно взирал на происходящее.

Ему не было никакого дела до того, что компания оказалась чересчур малочисленной для огромного помещения, где он ее собрал, и джентльменов прибыло на два человека больше, чем дам. Стейплы с готовностью откликнулись на приглашение графа, а их поведение полностью отвечало ожиданиям его светлости, и даже грозная тетушка Кэролайн не нарушала правил приличия. Салташ видел, что ему удалось произвести впечатление на свою будущую тещу, леди Мелкшем. Она уже встречалась с большинством членов этого рода, но только сего-

дня познакомилась с дядей Тревором, архидьяконом, коего Салташ посадил рядом с ней, и с его огромным кузеном Джоном. Незамужняя тетя Мария, которая вела для него хозяйство, сомневалась относительно недостойного, как ей казалось, места Джона за столом, но ей пришлось согласиться с доводами графа. Разумеется, она понимала — архидьякон важнее отставного капитана гвардейских драгун, но архидьякон являлся ее младшим братом, и ей было сложно представить себе, что он имеет какой-либо вес в обществе. Что касается Джона, то он был единственным сыном ее второго брата и в качестве такового — предполагаемым наследником титула, что делало его весьма значительной персоной в глазах тетки. Она даже осмелилась сообщить об этом графу, и он немедленно согласился со справедливостью ее замечания.

— Тем не менее, осмелюсь предположить, милому Джону все равно, где сидеть! — миролюбиво добавила леди Мария.

К огромному сожалению Салташа, тетя и здесь оказалась права. Он был искренне привязан к Джону, но считал, что кузен чересчур легкомысленно относится к своему высокому положению в обществе. Возможно, за годы, отданные военной службе на Пиренеях, он забыл о том, кто он и какое имя носит. Джон вел себя так раскованно, что порой его выходки и манера держаться всерьез пугали благородного родственника молодого человека. Подвиги Джона на Пиренеях сделали его притчей во языцех среди сослуживцев. Но, даже уйдя из армии в 1814 году, он совершил поступок, показавшийся графу

недопустимым чудачеством. Не успел Джон узнать, что Наполеон снова на свободе, как тут же добровольцем вернулся в армию. А когда граф, пытаясь остановить юношу, указал ему, что долг вовсе не требует подобной жертвы от человека его сана, он расхохотался и воскликнул:

— О, Бевис, Бевис!.. К черту долг! Неужели ты все-ррез полагаешь, что я согласился бы пропустить эту операцию? Да ни за что на свете!

И Джон снова отправился на войну. Но он недолго оставался в скромном положении добровольца. Прослышав о возвращении Бешеного Джека, полковник Клифтон, командир Первого драгунского полка, немедленно зачислил его еще одним адъютантом. Битва при Ватерлоо, в которой Джон отделался резаной раной от сабли и ссадиной от срикошетившего ядра, немало взбодрила смелого капитана. Граф, чрезвычайно обрадовавшись благополучному возвращению кузена, начал размышлять о том, что пора бы ему остепениться и связать себя узами брака с подходящей девушкой. От отца Джон унаследовал небольшое поместье, ему уже исполнилось двадцать девять, и братьев у него не было.

Обозревая стол, Салташ вспомнил об этом, когда его взгляд остановился на тетушке, почтенной миссис Стейпл. Он вдруг подумал, что ей уже давно следовало бы выбрать жену для сына, и решил сегодня же затронуть эту тему в разговоре. Их с Джоном разделяло менее двух лет, но в качестве главы рода граф считал себя ответственным за своих кузенов. Это помогало Салташу преодолеть чувство неполноценности, что слишком часто

охватывало его при встрече со столь значительными людьми. Все Стейплы были высокими, и он не стал исключением. К сожалению, природа наделила его узкими плечами и склонностью к сутулости. Джон, разумеется, был великаном, а рост его сестры, леди Лихфилд, в настоящий момент с демонстративной любезностью беседовавшей с нудноватым зятем графа, мистером Такенхэмом, составлял пять футов девять дюймов. Луциус Стейпл, единственный ребенок третьего сына четвертого герцога, тоже был крупным мужчиной, как и Артур, старший сын архидьякона, изо всех сил пытающийся развлекать свою кузину Летицию, которая через стол строила глазки Джону. Даже юный Джеффри Йеттон, брат Летиции, несмотря на юношескую угловатость, уже возвышался над графом, а фигура их матери, леди Кэролайн, заслуживала единственного определения — массивная.

Великолепное телосложение Стейплов произвело такое впечатление на леди Шарлотту Кальне, невесту графа, что у нее непроизвольно вырвалось восхищенное замечание:

— Какие крупные у тебя кузены! Они все чрезвычайно красивые. Я бы даже сказала, необычайно красивые.

Графу было очень приятно услышать подобное мнение, и он с готовностью откликнулся:

— Ты и в самом деле так думаешь? Но, видишь ли, у Луциуса рыжие волосы, и хотя Джеффри в общем недурен собой, у Артура внешность самая заурядная. Однако Джон красавец, верно? Надеюсь, он тебе понравится. Джона любят все! Я и сам его глубоко уважаю.